

и остроумно рассказал, как однажды в случайной компании, где от них обоих ждали «песен», Евгений Александрович только отмалчивался, подкладывал Володину салат и шептал на ухо: «Прикроюсь мужественной простотой».

— Значит, в «свои» он допускал трудно?

— Да. Он был общительным, но не рубаха-парень. Он был необыкновенным, вот и все. Необыкновенного природного ума. Иначе он не был бы таким большим артистом.

— У меня всегда было ощущение, что он мог все. «Он мог играть кого угодно, даже Никого», как сказал о нем Александр Гельман. Это пришло с его колоссальным опытом, как вам кажется, или это было свойством его природы?

— Его коснулась Бог, понимаете? Вот есть актеры, очень талантливые, трудоголики, они свой талант отшлифовали, как драгоценный камень. А Евгений Александрович — это природная глыба, которую и шлифовать было незачем. Он читал роль — и не хотел репетировать, хотел играть. У него была только одна задача — выучить текст. Его коллеги по Владимирскому театру говорят, что он делал невероятные вещи, даже будучи совершенно неопытным артистом. Интуиция, наверное. Животная, природная, безупречная интуиция.

— Так как же все-таки вы перешли на «ты»?

— Я еще долго придумывала фразы типа «Может быть, кофе выпьем?» или «Может быть, переоденемся в чистую рубашку?». Он это заметил и как-то сказал мне: «Пожалуйста, перестань употреблять эти обтекаемые фразочки. Я простой. Я простой, как теплые валенки. Я домашний и простой». Он действительно был простым. В быту — очень простым. И в конце концов я привыкла называть его на «ты».

— А что Евгений Александрович велел вам играть?

— А ему это было все равно.

— Как это так? А «моя должна быть лучше всех»?

— Нет, он ничего не велел мне играть. И никогда не помогал мне делать карьеру. Мы были семьей. Играли вместе только в двух фильмах и трех спектаклях. Он никогда не мог попросить — ни за меня, ни за дочь, ни за предыдущую жену. Я знаю, что она очень страдала из-за этого. Мне было все равно. Более того, мне всегда было страшно играть с ним вместе. Я боя-

лась, что скажут, что я-то бездарная, а он меня за собой тянет. Поэтому, например, я очень благодарна режиссеру Лене Трушкину, который написал, что в «Вишневый сад» (Это был один из первых коммерческих театральных проектов. — Ред.) это я Евгения Александровича затащила, а не наоборот, как говорили.

— Он, конечно, был гений. Иначе непостижимо, как бывший слесарь с завода «Красная Этна», бывший лабух из кинотеатра мог создавать тончайшие психологические роли, существовать в кадре и на сцене «интеллигентиссимо», как он

Вторая семья Евстигнеева. Жена Лилия Журкина и дочь Маша

говорил. Но именно потому что он был гений, мне трудно представить себе, как он учил студентов.

— А как мы учим своих детей? Мы же не говорим им прописные истины. Пытаемся воспитывать примером. Он так талантливо показывал, что хотелось быть похожим на него. Он учил собой. А мы его повторяли.

— И все были похожи на маленьких Евстигнеевых...

— В актерской профессии это не страшно. Все начинают с попугайничанья. Когда начинался «Современник», все были похожи на Ефремова. И Табаков, и Кваша. И даже, может быть, Евстигнеев. «Не наиграешь, не сыграешь»,

Первая семья Евстигнеева. Галина Волчек с сыном Денисом

как говорят артисты. Я могу сказать, что он меня выдвинул. Он создал мой характер.

— Ходила такая легенда, что Евгений Александрович умер, переволновавшись перед операцией.

— Это не легенда, так и было. Я видела это собственными глазами. Спокойный, веселый человек умер сразу после того, как ему нарисовали его сердце и сказали: «Вот так вы можете умереть». Его гениальное воображение заработало. Он представил себе, как это будет, — и умер. Это была его последняя роль.

— Вы думаете, простите за бессмысленность вопроса, что ему не надо было ехать в Англию?

— Я думаю, что нет. Я думаю, что если бы он делал операцию здесь, он был бы жив и здоров. Ему посоветовали поехать, говорили, что там оперируют лучше, чем у нас. Но не учили

Папа с дочерью (1991)

